

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие — уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АСТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «СТАЛКЕР»

Аркадий и Борис Стругацкие. ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРОКЛЯТОГО
Дмитрий Силлов. ЗАКОН «ДЕГТЯРЕВА»
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРИЗРАКА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН КЛЫКА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ДОЛГА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН СВОБОДЫ
Дмитрий Силлов. ЗАКОН МОНОЛИТА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН СТРЕЛКА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН СТАЛКЕРА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ТОРГОВЦА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ОХОТНИКА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРИПЯТИ

НОВАЯ ЗОНА

Александр и Надежда Навара. ТАКТИКА ГОРОДСКОГО БОЯ
Светлана Кузнецова. ХРУСТАЛЬНАЯ УГРОЗА
Игорь Недозор. ДИКИЙ ГОН
Ольга Крамер. ПРИВЫЧКА ВЫЖИВАТЬ
Светлана Кузнецова. КРАДУЩИЙСЯ ВО ТЬМЕ
Светлана Кузнецова. ПРИНЦИП ДОБРОВОЛЬНОСТИ
Ольга Крамер. ИЗЛОМ СУДЬБЫ

ПИТЕРСКАЯ ЗОНА

Виктор Точинов. ВСЕ СОКРОВИЩА МИРА
Игорь Недозор. ПСЫ ПРЕИСПОДНЕЙ
Николай Романецкий. БУСТЕР
Дмитрий Манасыпов. ЗАПАС УДАЧИ
Николай Романецкий. МЕНТОЛ
Дмитрий Манасыпов. ТЕМНЫЙ АДРЕНАЛИН

ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ

Андрей Альтанов. ГАЙКИ, ДЕНЬГИ И ПИЛА
Сергей Вольнов. РЕЖИМ ЧЕЛОВЕКА
Сергей Вольнов. ЗА МИГ ДО РАССВЕТА
Сергей Вольнов. ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА
Виктор Точинов, Александр Щеголев. АНГЕЛЫ АДА
Виктор Точинов. ЗВЕРИ ЗЕМЛИ
Сергей Вольнов. ШИФР ОТЧУЖДЕНИЯ
Виктор Точинов. ДЕМОНЫ РАЯ
Сергей Вольнов. РАСПЛАТА ЗА МИР
Дмитрий Лазарев. ПРОТОКОЛ «ЧУМА»

ЗОНА БУДУЩЕГО

Сергей Вольнов. ПРЫЖОК В СЕКУНДУ

Александр Арсентьев. РЕЙД

СТЯЖЕР

Дмитрий Лазарев

[ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ]
ПРОТОКОЛ «ЧУМА»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л17

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

Серийное оформление Э. Э. Кунтыш

Компьютерный дизайн А. И. Смирнова

Иллюстрация А. С. Руденко

Лазарев, Дмитрий Владимирович.

Л17 Зона Посещения. Протокол «Чума» : [фантастический
роман] / Дмитрий Лазарев. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 320 с. — (Сталкер).

ISBN 978-5-17-111666-8

Бесследно исчезает затерянный в тайге городок, и все, кто
пытается его найти, исчезают тоже. Все Измененные к востоку
от Уральских гор вдруг устремляются неведомо куда, повинувшись
только им слышному зову. Сталкер, решивший завязать со
своей рискованной профессией и вернуться домой, оказывается
в самой гуще странных и кровавых событий. Игра мечты
команды ролевиков неожиданно превращается в битву за
выживание, а в таежной глуши стремительно созревает вирус,
способный уничтожить все человечество. Кому окажется под
силу распутать этот смертельный узел?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111666-8

© Д. Лазарев, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

*Северный Урал. Окрестности Шелеховского.
Девятый год метеоритного дождя*

Федор Дмитриевич Воскобойников устал, но останавливаться не собирался: кто знает, сколько времени ему отведут охотники за его головой? Он совсем недавно избавился от трупов первой партии... Точнее, двух первых партий с разных сторон. Но будут еще, сомневаться не приходилось. Этих он не убивал, нет. На сей раз частично они перебили друг друга сами, частично поработал удачно подвернувшийся сувайвор, но в дальнейшем профессору придется полагаться исключительно на себя. А значит, надо быть готовым.

Здесь, внизу, Федор Дмитриевич совсем потерял счет времени. Смена дня и ночи проходила мимо него. Вернее, над ним, поскольку находился он в глухом бункере. Его наручные часы были электронно-механическими, и стрелки показывали без пяти двенадцать. Полдень? Полночь? Воскобойников не знал, да и не особо этим интересовался. Камеры наружного наблюдения не включал — сэкономил энергию генератора. Спать хотелось просто адски, но и это не было показателем — последние месяцы его режим сна и бодрствования полетел к черту, а за прошедшие с момента визита Стрельцова двое суток он и вовсе прикорнул от силы на пару часов.

Сейчас перед ним на столе стояли три пробирки с кровью: сувайвор и «лояльные» фризер и кинетик. Не такой плохой набор для эксперимента. На ком? Конечно, на

себе, потому что в его жилах тоже течет кровь сувайвора, дающая шанс выжить при подобных экзерсисах. У других такого шанса нет: либо *изменение*, либо смерть. Да и будет преступно с его стороны позволить пропасть столь ценному материалу. Хотя бы ради науки. И ради выживания тоже. Отсидеться здесь больше не получится — безжалостный большой мир вот-вот выдернет его из этой раковины властной рукой. Чтобы раздавить.

Но миру для этого придется потрудиться. Еще недавно профессором почти полностью владел фатализм, лишь слегка разбавленный научным интересом к происходящему снаружи. Но всего лишь один разговор с этим отчаянным и безрассудным сувайвором Стрельцовым неожиданно многое изменил. Не сразу, нет. Понадобились почти сутки, чтобы зерно, упавшее на иссохшую вроде бы почву, неожиданно взошло. Сначала он просто проследил за уходящим в безнадежную битву сувайвором, понаблюдал через скрытую камеру за его схваткой с «лояльными» и слегка удивился ее исходу. Далее на всякий случай взял образцы крови убитых «лояльных», избавился от их трупов, а потом... Интерес к жизни пробудился внезапно, вместе с пришедшей в голову идеей. Странной, безумной, авантюрной, но... почему бы и нет, черт возьми?! Что теряет почти уже обреченное человечество? И что теряет лично он, профессор Федор Дмитриевич Воскобойников? Но если задуманное им удастся... От перспектив просто захватывало дух. Только для начала необходимо как минимум выжить.

Следующие сутки прошли в яростной, до фанатизма, работе. Слишком многое нужно было сделать, прежде чем покинуть это убежище, переставшее быть безопасным. Материалы, образцы, данные, кое-какие приборы, достаточно легкие и компактные, чтобы их можно было прихватить с собой... Еще кое-что... И кровь. Наконец дело дошло и до нее. Последнее, на что ему надо было решиться. Впрочем, на фоне всего остального это уже

не казалось чем-то страшным. Просто еще один рискованный, но необходимый шаг. Сначала кровь сувайвора, потом, через час, — фризера и на десерт, еще через час, — кинетика. Все должно пройти нормально.

Итак, первая инъекция. Профессор с удовлетворением отметил, что рука его тверда и пальцы почти не дрожат. Четкое, выверенное попадание в вену на локтевом сгибе левой руки. Через полчаса наступила реакция — озноб, слабость, тошнота, — чужая кровь пыталась прижиться в организме. Но это все преходящее, а вот что получится в итоге? То есть как инъекция отразится потом на его возможностях? Ответ даст лишь время, если, конечно, оно у него будет. Включить монитор камеры слежения у второго входа? Пожалуй, стоит. Топлива для генератора осталось всего ничего, но куда его копить — он так и так здесь уже не останется. Воскобойников нажал кнопку. Пустой лес. Светло. Стало быть, «без пяти двенадцать» это был полдень. Воскобойников глупо хихикнул. Через час Федора Дмитриевича еще не отпустило, но медлить он не стал — что-то внутри будто пришпоривало его, зудя в ушах зловещим предсказанием, что время вот-вот истечет.

Фризер. Колотить стало сильнее, но не сразу, а минут через пятнадцать. С легкой отстраненностью типично научного работника, будто речь шла не о нем самом, профессор отметил, что на второй инъекции реакция наступила быстрее. В чем причина? Неправильная очередность введения? Или так действует кровь «лояльного»? Может, организм просто отторгает ее? Или следовало сделать более продолжительную паузу между уколами? А если та присадка, что обеспечивает зависимость «лояльных» от постоянных вакцинаций антиновы, не преодолевается кровью сувайвора, как он рассчитывал, а наоборот — вызывает фатальную реакцию? Раньше Воскобойников думал, что паника и апатия — вещи взаимоисключающие, но вот сейчас у него они каким-то диким образом ухитрились совместиться. Страх завладевал им. Но сил,

чтобы сделать с этим хоть что-нибудь, не было. Даже голова начала уже тугο соображать. Передозировка биологически активных жидкостей в организме? Отравление чужим генным материалом?

В этой мўке прошел еще час. Воскобойникову было уже очень плохо. В глазах стоял туман, в ушах — шум, тело было словно ватное, а во рту — мерзкий металлический привкус. Мысль, что он, быть может, умирает, пришла просто и буднично, словно подумал о насморке. А между тем паника внутри нарастала. В голове будто вопил кто-то: «Скорее! Времени нет! Они приближаются! Давай! Третью пробирку! Ну же!!»

Рука профессора потянулась к шприцу со стимулятором и на мгновение замерла, не получая решительной команды рассудка. Его разум находился в смятении: состояние было таким, что укола стимулятора могло не выдержать сердце. С другой стороны, без укола стимулятора еще чуть-чуть — и прикажет долго жить все остальное. Даже третью инъекцию не сделать: перед глазами все расплывалось, руки дрожали — в вену можно попасть разве что случайно. Но команда поступила, и пальцы правой руки сомкнулись на шприце.

А ведь когда перед процедурой Федор Дмитриевич специально наполнил шприц стимулятором и положил рядом с пробирками, он сам себя назвал перестраховщиком. Сейчас бы он даже набрать шприц, пожалуй, не смог. Хриплый, лающий смех разорвал тишину комнаты. Он, впрочем, быстро угас, так как отзывался сильной болью в горле. Взять шприц и сделать укол в левое предплечье оказалось самым сложным испытанием — Воскобойников боялся сломать иглу. Но он справился.

Пошло дело! Стимулятор был нестандартным — профессор сделал свой, по особой формуле, более мощного действия. Убирает слабость и тремор, временно придает ясность мысли и... еще кое-какие эффекты. Правда, потом придет расплата. Жестокая. Не думать об этом — в конце концов, где он, а где «потом»! Озноб отступил.

Тошнота и мерзкий вкус во рту остались, ну да и черт с ними — они ему не мешают сделать главное. Федор Дмитриевич поднял руку, сфокусировал на ней взгляд и сделал сразу два вдохновляющих открытия: он снова видел четко и рука не дрожала. Это ненадолго, но ему хватит. А вот боль за грудиной с левой стороны пугала: моторчик-то в экстремальном режиме работает, как бы не сгорел — ему ведь уже сорок лет как не двадцать пять.

Последняя пробирка. Кровь кинетика. Набрать шприц и ага в многострадальную вену! На сей раз реакция наступила уже через десять минут. Он снова начал чувствовать себя выброшенной на берег медузой. Третья ударная доза чужой крови подавила действие стимулятора, на отходняк от которого теперь наложился эффект от всех трех инъекций... Боже, как погано! Право слово, покончить с собой можно было и менее мучительным способом.

Взгляд мазнул по монитору следящей камеры у второго входа в бункер. Не желающее фокусироваться зрение тем не менее уловило там какое-то движение — смутные темные пятна. Пятна?! Внезапная волна ужаса вызвала бесконтрольную вибрацию всего организма. Нет, это не те вечно голодные твари, что ночами вылезали из Провалов. Это другие. С двумя руками и ногами, но оттого не менее опасные. Скорее, даже более. Это за ним. Убийцы. «Лояльные» или террористы НМП — без разницы. Для него и те, и другие означают смерть. Черт! Слишком рано. Он еще не готов. Та радикальная трансформация, которую он запустил, либо убьет его, либо превратит в нечто большее, чем человек, но на это нужно время, а те человекоподобные пятна, похоже, спешат. Сколько их? Трое? Четверо? В таком состоянии ему и одного за глаза. Как он честил сейчас на все корки собственную нерешительность! Надо было раньше сделать себе инъекции — глядишь, был бы уже готов... Или в том, или в другом смысле этого слова.

Федор Дмитриевич с невольным стыдом вспомнил то, что говорил Стрельцову насчет смириться, сдаться,

сойти со сцены... Самому-то сейчас как не хочется эту самую сцену покидать! До скрежета зубовного. Привык к сцене-то, прикипел! Но что он сможет? Разве что хватит сил встать навстречу тем, кто пришел забрать его жизнь.

Страшный грохот заставил его вздрогнуть и снова посмотреть на монитор. Там все затянуло серым. То ли ему зрение совсем отказало, то ли убийцы применили радикальные методы для вскрытия запасного входа — все-таки там не могучие бронированные ворота, как на главном. Послабее. Взрывчатка может и взять. Или парочка кинетиков. Значит, убийцы уже внутри.

Профессор скривил губы в улыбке, подозревая, что она сейчас напоминает судорожный оскал умирающего пса. Не успел. Совсем чуть-чуть. Наверное. Вот бы задержать их хоть немного... Где же тут это было? Ну-ка...

Искать пришлось почти на ощупь. Дрожащие пальцы нащупали большую квадратную кнопку всеобщего оповещения по громкой связи. Справившись с приступом удушливого кашля, Федор Дмитриевич нажал ее и произнес:

— Ну, здравствуйте, гости незваные!

Глава 1

Художник

Москва. Десятый год метеоритного дождя

Уши закладывает от автоматных очередей, в носу свербит от пороховых газов, и руки уже дрожат от вибрации оружия. Мы в ловушке. Я и Сиг. В чертовой. Мать ее. Ловушке. Дом окружен истребителями. Огромной толпой. И рыжеглазых вожаков среди них навалом. Не массой задавят, так заплюют. Влипли капитально! Ведь утром чуял, что не стоит браться за это дело, так нет же! Сиг, несмотря на свое рыбье прозвище, кого хочешь уболтает. «Ты только прикинь, какие бабки, Художник!» Бабки, бабки... На черта они сдались покойникам? Пока еще удастся держать тварей на расстоянии, но надолго ли? Да и патроны кончаются...

Я срезаю длинной очередью троицу особо резвых и наглых мутантов, кинувшихся к моему окну, и вздрагиваю от дикого крика Сига. Оборачиваюсь и едва сдерживаю рвотный позыв — он поймал лицом плевок одного из вожаков, и теперь плоть слезает с него под разъедающим действием ядовитой дряни из желез мутантов.

— Твою... — только и успеваю произнести я, а на окнах уже появляются фигуры сразу двух истребителей.

Обреченно вскидываю автомат...

* * *

Сумка со стуком падает с коленей на пол, и я сам едва не следую за ней. Интересно, эти кошмары когда-нибудь прекратятся? У солдат это называется ПВС, а у сталке-

ров? ПЗС, что ли? Постзонный синдром? Или я первый из наших, «завязавший» не посмертно?

Наклоняюсь за сумкой и морщусь — тело затекло и болит. Кресло в аэропорту — не самое удобное место, чтобы спать, но что делать? Зверский недосып последних недель и трехчасовая задержка рейса на Иркутск не оставили мне выбора.

Домой... Хорошее слово, но что за ним кроется? Кто меня там ждет, в Иркутске? Друзья? За восемь лет поразъехались, наверное, кто куда. Родители? Мама разве что. С отцом я вдрызг разругался, когда подался на свои «зонные заработки». Для него я тогда и умер, пожалуй. Особый вид живых покойников, которые не воняют разложением, не бродят, пошатываясь, и не питаются человеческими мозгами. Это как раз про меня. Художник, ага. От слова «худо». Дурацкое прозвище, если честно, но в сталкерской среде они прилипают — не оторвешь. Так-то меня Артемом зовут. Артем — Арт (искусство по-английски) — художник. Не самая очевидная ассоциативная цепочка, но первым моим делом был вывоз картин из брошенного дома одного богача в Печоре. Так вот и стал Художником. Рассказать тем, кто знал меня в детстве — долго будут животы надрывать от смеха, — с рисования в школе я регулярно двойки приносил. Не мое это.

А что мое, интересно? Уж точно не бегать по Зоне и стрелять в мутантов. Я свое отбегал, хватит! И так кошмары мне надолго обеспечены. Живой, и ладно. Не всем так повезло. Тому же Сигу, не к ночи будь помянут... Денег я, правда, поднял, хотя и не так много, как мог бы. Все потому, что не решился с кровью Измененных связаться. Вот где сверхприбыли! Хотя и риску больше, конечно. И на душе как-то... не так, в общем.

Все, стоп! Этап под названием «Зона» для меня закончен навсегда. С каким бы итогом я ни пришел к этому промежуточному финишу, повторного забега не будет. Чем займусь в Иркутске? А хотя бы таксистом устроюсь. Или в автосервис — благо руки откуда надо растут. Что

бы ни делать, лишь бы мирное. И подальше от всей этой паранормальной дряни. Накушался за восемь лет до изжоги. Теперь на каши переходить надо, чтобы здоровье поправить. Психическое в основном.

Так, что это там бубнят? «Заканчивается посадка на рейс S7-154 Москва — Иркутск. Выход 43. Отставших пассажиров просим срочно подойти на посадку». Черт возьми! Чуть свой рейс не проспал! Подхватываю сумку и большими скачками несусь к выходу.

* * *

В самолет захожу одним из последних. Салон «Боинга-737» уже практически заполнен, а мой путь лежит к самому дальнему ряду сидений. Сверяюсь с посадочным талоном и вздыхаю: место 30В — не фонтан. Один из худших вариантов. Зжат между соседями — ни у окна, ни у прохода. Пять с лишним часов полета. Впрочем, ладно, мне ли жаловаться — за последние годы с комфортом у меня дела обстояли неважно. Невелика цаца — потерплю. Может, хоть отосплюсь в дороге.

Когда я добираюсь до последнего ряда сидений, места и у окна, и у прохода уже заняты. У иллюминатора дремлет мужчина лет шестидесяти, а у прохода копается в своей сумочке изящная блондинка. Довольно привлекательная, насколько это можно разглядеть с такого ракурса. Я, конечно, устал, но не настолько, чтобы не заметить.

«Хоть в чем-то повезло», — мелькает в голове. Мелькает и пропадает. Сейчас мне не до флирта — не тот настрой. Однако надо попросить ее встать, чтобы добраться до своего места.

— Разрешите?

Она поднимает на меня глаза и улыбается. Улыбка у нее лукавая и такая заразительная, что не улыбнуться в ответ я просто не могу. Блондинка смешно морщит нос, изобразив задумчивость.

— М-м... А вы мне что за это?

Сообразив, что расплываюсь в глупой улыбке, мысленно одергиваю себя. Даже если особо не собираешься ухлестывать за девушкой, выглядеть перед ней идиотом — совершенно лишнее: полет впереди долгий, и мало ли...

— Ну... мы что-нибудь придумаем, — не слишком изящно выкручиваюсь я.

Но ход встречает одобрение.

— Договорились. — Она поднимается и протягивает руку для пожатия. — Рита.

— Очень приятно. Художник, — брякаю я, прежде чем включается мозг.

— О?! — Ее глаза вспыхивают. — Вот просто так, «художник»? Безымянный? Или имя ваше слишком известно, чтобы вы его называли?

Последнее, похоже, цитата, но я не понимаю откуда. К тому же я в растерянности от своей глупой ошибки и, чтобы скрыть это, достаточно неуклюже падаю в кресло. Но она ждет ответа, и надо как-то выкручиваться.

— Ага. Широко известно... в узких кругах.

Браво, Артем, браво! Бородатая шутка сейчас — именно то, что нужно! Ты просто гений, блин! А дальше-то что? Не правду же говорить, в самом деле! И тут меня осеняет.

— Глупая оговорка. — Я пытаюсь выдать обезоруживающую улыбку, возможно, даже удачно. — Это мой ник на форуме уфологического сообщества. А так меня Артем зовут. Калитвинцев.

— Очень приятно, Артем! И очень интересно! Вы, стало быть, уфолог?

— В общем, да, — продолжаю вдохновенно врать я. — Правда, не совсем в традиционном смысле. Инопланетяне нас волнуют мало. А вот аномалии в Зонах — дело другое.

— С ума сойти! — Она кажется искренне восхищенной. — Вы ведь мне расскажете, да?

— Ну... то, что можно, расскажу, конечно.

— Отлично! Чувствую, полет скучным не будет.

М-да. Похоже, про сон можно забыть. Хотя альтернатива как минимум не хуже.

— А для начала хочу вас спросить как художник художника: вы рисовать умеете?

«Опять цитата!» — соображаю я, глядя в ее искрящиеся озорством глаза. Книга? Фильм? Вертится в голове вроде, но... Вернусь домой — точно буду больше читать! Но тут на всякий случай выдаю легкий смешок и признаюсь:

— Не очень.

— Тогда почему такой странный ник?

— Ну...

— Уважаемые пассажиры, просим вас обратить внимание на демонстрацию спасательного оборудования...

Рита морщится:

— Вот же, перебили!

— ...даже если вы часто летаете.

— Даже если, — передразнивает моя соседка.

— Действительно часто? — спрашиваю я, спеша сойти со скользкой темы.

— Более чем. — Рита улыбается. — Я стюардесса в этой же авиакомпании. Но сейчас в отпуске и лечу к семье в Иркутск.

— О как! У вас, наверное, очень интересная жизнь?

— Не без того. Хотя со временем приедается. Впрочем, до вас мне в плане интереса, наверное, далеко. Так что первый ход за вами, Артем. Вы мне должны, помните?

Ну как на это не улыбнуться? Следователем бы ей работать, а не стюардессой: с темы ее не свернешь, вцепляется как клещ. Правда, надо признать, весьма очаровательный клещ.

— Итак, я устроилась поудобнее и вся внимание. Надеюсь, вы не очень хотите спать?

— Что вы, как можно? Я просто думаю, с чего бы начать.

Она усмехается.

— Полагаю, с Художника.